

[П/П: День «Д» — общепринятое американское военное обозначение даты начала любой военной операции. Самым знаменитым днем «Д» считается высадка в Нормандии или операция Оверлорд.]

— О, и насчет контрнаступательной операции на командные позиции Легиона. Пока определились только с датой и названием. Ее назовут в честь исторического события. Операция Оверлорд.

Говоривший — он наливал в чашку чай — был дальним родственником Шина. Молодой человек из семьи Маркизы Майки был на десять лет старше юноши. А еще он Эспер-специалист в армии Союза.

Он и Шин находились в одном из кабинетов объединенного штаба западного фронта; находились одни, без подчиненных или помощников. Подполковник Йошка Майка потянулся к чайному сервизу. С некоторых пор мужчина периодически проводит встречи с Шином, чтобы помочь ему справиться с контролем способности.

— Весьма... банальное название.

— Есть такое. Они могли бы выбрать операцию попроще с более полной победой. Та, может, и была успешной, но в высадке полегло много солдат. А Оверлорд? — упоминание правителя, я бы сказал, неуместно в контексте демократической республики.

Мужчина был высоким и с коротко стриженными волосами, что часто встречалось у солдат. Крупное телосложение с широкими плечами и мускулистой грудью противопоставлялось лицу как у младенца с постоянно опущенными алыми глазами.

Йошка молча отпил чай. Шин, будто вслед за ним, поднес свою чашку к губам. Тонкий фарфор акцентировали красные и золотые узоры на внешней и внутренней сторонах. Посмотрев на прозрачную красную жидкость, он увидел, как рисунок загадочно переливался.

— Что касается даты. В общем, это же будет крупное наступление армии Союза, плюс к нему, скорее всего, присоединятся Объединенное королевство и Альянс. Самое раннее — через четыре месяца, где-то в районе февральского Празднества искупления. А если захотят убедиться в готовности дважды, тогда через шесть месяцев, то есть выпадет примерно на Пасху.

Шин припомнил цикл операций и отпусков ударной группы, вернее, 1-й бронетанковой дивизии. В сентябре они отправились в Теократию, после которой завершился их служебный период. Получалось, что если все пойдет по расписанию, то их двухмесячный отдых и тренировки завершатся где-то в декабре или январе следующего года.

Операция в апреле пройдет согласно распорядку. А вот если начнется в феврале, то пересечется с отпуском.

— Какой бы день они ни выбрали, все равно участвовать будет вся ударная группа, — безучастно сказал Шин.

— В этом я уж точно не сомневаюсь, — натянуто улыбнулся Йошка. — Ударная группа создавалась как раз ради таких операций, да и верхушка поголовно уверена, что ты так скажешь. Поэтому со всей ударной группы ненадолго снимут любую оперативную деятельность. Скажут вам отдохнуть месяц и воспользоваться оставшимся временем, чтобы основательно подготовиться к предстоящей миссии.

Тут вдруг Йошка усмехнулся.

— Мне тут жалобу довелось услышать. Это правда, что ваша группа пренебрегла учебой во время последней операции?

Шин громко сглотнул. 3-я и 4-я бронетанковые дивизии досрочно завершили отпуск, который также включал период обучения. Другими словами, жалоба адресовалась не только 1-й бронетанковой: Грета сделала выговор командирам всех четырех дивизий.

Она предупредила, что не потерпит следующего раза. Разумеется, жалоба была обоснована, да и Шин понимал, что основополагающим принципом армии являлась совместная ответственность, но... он не считал это оправданным.

— Нехорошо так поступать, знаешь? — ухмыльнулся Йошка. — Вы, может, и выпустились из специальной офицерской академии, но сейчас главной обязанностью детишек стало получение образования. Проведи следующий месяц в школе: послушай лекции, подтяни учебу и так далее. Почитай глупые книжки в библиотеке, побудь с друзьями, про романтику и разбитое сердце не забудь.

— Последнее предложение — бред, подполковник.

Особенно часть про разбитое сердце.

— Почему же? Вам, детишкам, нужно обучиться всему.

Родственник юноши примерно на десять лет старше прислонился к длинному дивану с чашкой чая в одной руке и улыбнулся в самой что ни на есть настоящей грациозной манере, хотя огонек в глазах выдавал его неблагородство.

— И, если душевная боль и романтика будет сильно наедать на тебя, не стесняйся обращаться ко мне, к своему надежному почти что старшему брату... А как соберешься с мыслями, я смогу научить тебя контролю способности.

— ...

Йошка говорил то же самое при первой их встрече три месяца назад. На ней присутствовали и другие Эсперы по линии Майки.

□

— В каждом поколении есть дети, которые не могут включать и отключать способности. И обычно они учатся этому у своих родителей или старших родственников.

Шин познакомился с ними в усадебном доме Майки в столице, а конкретно в драгоценной оранжерее Маркизы Майки, заполненной цветами тиса. На противоположной стороне стола сидели его близкие по возрасту родственники, одетые в форму Союза.

Их представлял Йошка с алыми коротко подстриженными волосами.

— С точки зрения сложности, контроль способности как таковой, в общем-то, мало чем отличается от умения ездить на велосипеде или колесе. Как только получится один раз, дальше уже само пойдет. Просто ты еще не освоил хитрость. Умелец, если ты с ним синхронизируешься, поможет разобраться с тем, как включать и выключать способность. У большинства получается уже через несколько попыток при условии, что они не совсем уж бестолковые. По мне так это даже обучением назвать нельзя.

Остальные родственники молчали или улыбались, как бы предлагая Йошке продолжать. Среди них были как мужчины, так и женщины, и у всех — алые волосы и глаза.

«Как южные цветки», — подумал Шин.

Они пили чай из чашек, украшенных прелестным южным колоритом, который противопоставлялся привезенному издалека тису. К чаю подавались закуски с ароматом ванили, оформленные в виде сорта тиса. Про последнее ему сказала женщина — двадцатидвухлетняя кузина, по ее словам.

— Что же до того, почему стоит это делать с семьей: синхронизация с тем, кто умеет контролировать способность, требует более глубокого погружения. В особенности из-за того, что... Скажем... Этот уровень находится глубже, чем тот, на котором ты обычно слышишь «голоса». Уловил мысль?

— Да.

Шин старался поймать нить разговора.

В ответ на его кивок Йошка радостно заулыбался, будто от облегчения, что Шин смог что-то вычленил из туманного объяснения.

Ты в самом деле один из нас.

Улыбка изобиловала теплом и заботой, и вместе с тем в ней была отчужденность. С этой открытой улыбкой обращаются к чужакам.

— Это не значит, что человек сможет читать твои мысли, заглядывать в воспоминания или видеть шрамы, которые ты хочешь скрыть. Но, если в двух словах, будет неприятно, понимаешь? Пускаться в такие глубины того, кого не знаешь и кому не доверяешь... Мне бы это не понравилось. Даже больше, мне было бы страшно.

И поэтому...

— До поры до времени будем устраивать приятные чаепития — вот как сейчас. Мы продолжим общаться, и если захочешь получить совет, то не стесняйся спрашивать. Необязательно по поводу своих сил, это может быть абсолютно любой вопрос... А потом...

Йошка и остальные родственники беззаботно улыбнулись.

— ...когда тебе будет достаточно комфортно с нами — не обязательно со всеми, — чтобы рассказать о понравившейся девушке, тогда сможешь практиковать контроль способности без особых усилий.

□

После этого разговора в прошедшие с него три месяца, когда находилось время между учебой и тренировкой или когда возникала оперативная причина прийти в штаб западного фронта, Шин также ходил к одному из родственников.

Закончилось все тем, что он попросил Йошку заняться его обучением, поскольку тот меньше всего походил на брата.

Волосы Йошки были того же красного оттенка, что у Рея, точно так же из-за кровного родства он походил на брата еще и чертами лица. Когда Шин взаимодействовал с членами семьи Майка помладше, ему постоянно мерещился сам Рей. Он считал, что не должен тешиться комфортом в их присутствии просто из-за схожести родственников с братом. Еще и опасался признавать правду, поскольку это было бы грубо.

Йошка стригся коротко, имел крепкое телосложение и говорил низким басовым голосом, идеально подходящим для грозного командующего офицера. Этими качествами он сильно отличался от Рея с его стройным телосложением ученого и нежным голосом.

Но значительная разница между ними прослеживалась в манере речи. Шин не мог представить, и тем более вспомнить, чтобы Рей употреблял грубые или даже агрессивные

слова, которыми порой пользовался Йошка.

Но даже с этим Шин испытывал странные чувства, когда говорил с ним. Будь Рей жив, он был бы одного возраста с Йошкой. Если бы не разразилась война, если бы их не забрали в восемьдесят шестой сектор, он — восемнадцатилетний юноша — вел бы он сейчас подобные беседы с двадцативосьмилетним Реем? От этой мысли его накрыла неопишуемая тоска.

— Я тут, кстати, узнал один интересный момент. Говорят, у тебя теперь девушка есть? И красивая, к тому же. Жду не дождусь услышать сочные детали и рассказы о душевной боли!

...И Рей, будь он еще жив, также бы донимал его? Отчасти Шин питал надежду, что нет, не стал бы, но вместе с тем осознавал, что Рей, как раз будучи старшим братом, досаждал бы по поводу личной жизни еще больше.

А потом пришло понимание, что с какого-то момента он стал беззаботно вспоминать брата.

Пока Йошка ухмылялся во весь рот, Шин, готовясь к ответному удару, выпил чай с притворным спокойствием. Весь разговор он делал вид, что не замечает пропасти между ними.

— Сперва о своей личной жизни расскажи, Йошка.

— Ого, да ты взгляни на себя. Уже научился ответку давать? Ладно, сам напросился. И так, эта история повествует о большом брате Йошке и его нежном романе с распрекрасной невестой...

— Ну давай послушаем, большой брат.

— Уф, еще один прямой удар! Да вот незадача, уж прости, но в этот раз получилось не очень.

— Про «большого брата» сам заикнулся.

— Знаю-знаю. Но ты произнес это слишком монотонно. Кроме того, тебе в самом деле хочется узнать о моей личной жизни? Типа, серьезно?

Он выглядел искренне удивленным, но вместе с тем даже подался вперед от волнения. Шин не удержался и безжалостно его остудил.

— Нет, не особо. Просто выражение твоего лица смягчилось перед тем, как ты заговорил об этом, поэтому решил симулировать интерес и спокойно насладиться чаем.

— О, вот ты как со мной... — заворчал Йошка.

А затем его глаза резко повернулись к окну. Будто кошка на охоте заметила бабочку, или собаку отвлекла птица — от стремительного движения охотничьи инстинкты Йошки среагировали быстрее, чем он успел подумать.

Сперва Шин посчитал, что он в самом деле заметил бабочку или что-то в этом роде, но его взгляд оставался прикованным к чему-то далекому. К тому же на дворе стояла ночь, поэтому вряд ли Йошка увидел бы бодрствующее животное, если только не сову или моль. Впрочем, существа таких небольших размеров будут не видны из их ярко освещенного кабинета.

— Йошка? — спросил Шин со слабым любопытством.

— О, просто показалось, будто в небе вспышка мелькнула... — ответил он, все еще смотря на то место.

Шин проследил за взглядом: и снова что-то яркое мелькнуло, будто звезда. Вскоре света не стало, и Шин, озадаченный, отвернулся от огненно-красного блеска. Он мало интересовался астрологией или звездами, знал только необходимое для определения сторон света и погоды. По задумчивому выражению его лица можно было прочесть любопытство касательно источника света.

— Это была падающая звезда?

Свет словно бы мелькнул и погас, никуда не перемещаясь.

— В той стороне неба в это время суток не должно быть ни одной звезды. В общем, не думаю...
— прошептал, нахмурившись, Йошка.

□

В тот же самый миг...

□

...рука в белой перчатке с грохотом врезалась в эбонитовый стол. Виллем Эренфрид, начальник штаба западного фронта, казалось, даже не заметил, как сделал это, бессознательно движимый взрывом эмоций. Даже в прошлогоднем крупномасштабном наступлении, когда он находился на фронтовой базе, которую мог снести залп рельсовой пушки в разгар операции по захвату, точеные черты лица ни разу не дрогнули.

Но теперь лицо того самого непоколебимого — даже перед душераздирающей операцией с риском полного уничтожения его страны — человека исказилось от тревоги.

Будучи отпрыском высших дворян, некогда правивших Империей, и командиром, на чьи плечи возложен долг защищать солдат и жертвовать их жизнями, ему непозволительно демонстрировать эмоции. Этот устой воспитывали в нем с детства, и он всегда проявлял максимальную дисциплинированность.

Но теперь нечто более инстинктивное, чем привычка или организованность, затмило его поведение.

Тревога или беспокойство были столь сильны, что он моментально забыл о ценностях и своем поведении, высеченных в его сердце.

Это беспрецедентный случай.

На голографических экранах вокруг отображались результаты анализа сооружения: морского артиллерийского пункта, построенного в трехстах километрах к северу от берегов Стран флота Царубийц, также известного под названием Мираж-Шпиль.

Это был трехмерный план, частично воссозданный из данных с бортовых самописцев, проникших на базу Регинлейвов. Недостающую информацию получили — и это несмотря на попытку Легиона отвлечь внимание с помощью Альциона — из видеоматериалов башни, укрытой в Святой теократии Ноирянаруссе.

На голографическое окно проецировалась бледно-синими световыми линиями воссозданная стальная башня, но с выделенной конструкцией, о которой не сообщалось ни в отчетах процессоров, ни в последнем отчете командующего операциями.

И никто об этом не сообщал просто потому, что конструкция не привлекла внимания. Ни «восемьдесят шесть», ни девушка, что командовала операцией... Даже принц-Эспер Объединенного королевства не обратил бы внимание.

Ведь насколько они могли припомнить, та область больше не являлась полем сражений.

...Быть может, хорошо уже то, что он заметил вовремя, и что их не застигли окончательно врасплох атакой с того направления. Союз заполучил управляющие ядра с командных машин Легиона, Альцион и Вайзел, из глубин территорий и целиком и полностью сосредоточился на их анализе. И тут Виллем настоял на ускоренном структурном анализе Мираж-Шпиля. Его осторожность и привела к успеху.

Но Виллем никак не мог избавиться от чувства стыда.

Голографическая трехмерная карта отображала обширное внутреннее пространство с подсвеченной массивной цилиндрической структурой, проходящей по диагонали через башню.

Она тянулась от самого нижнего уровня Шпиля и до самого верха под острым углом. На верхушке башни восемь направляющих формировали трубу, направленную перпендикулярно небу. Диаметр цилиндра был настолько широким, настолько большим, что по расчетам внутрь мог поместиться полноценный локомотив.

Но, разумеется, выстреливаться из цилиндра будет не поезд. И даже не Морфо.

«Как же это ускользнуло от моего внимания?..»

Он же знал, но шансы не были такими уж большими, чтобы об этом вспоминать.

Десять лет назад, вскоре после начала войны с Легионом, в разгар революции... когда ситуация изменилась в пользу революционной армии, империалистическая фракция велела командным центрам отправить сигнал самоуничтожения всем искусственным спутникам, впоследствии отключившимся.

Тогда спутники распались на крупные обломки — вероятно, так было задумано, — которые поразили космические аппараты других стран в непосредственной близости от планеты. Искусственные спутники летят по своим орбитам с высокой скоростью в несколько тысяч метров в секунду, и столкновение с небольшими фрагментами отделившегося оборудования или некрупным мусором никак на них не сказалось бы. Но куски металла весом в несколько тонн на таких скоростях повлекут серьезные повреждения.

И таким образом уничтоженными оказались другие спутники, часть из которых распались на такие же обломки, что вылилось в разрушительную цепную реакцию на орбитах. В результате орбитальные пути, используемые спутниками, были усеяны огромным количеством мусора. А поскольку большие массы не теряли высоту, они оставались на своих орбитах.

Естественно, там и до этого все было завалено мусором, но стало еще хуже, так что, если программа будет перезапущена, нужно обязательно избавиться от него. А в военное время даже Союз, крупнейшая на континенте страна, с трудом найдет большие бюджеты и топливо на это.

Ситуация была такова, что низковысотный мусор даже мешал запуску баллистических ракет, долетающих до этих высот.

Но в те же условия должен быть поставлен и Легион.

Перво-наперво Легион создавался для выполнения ролей рядовых солдат, самое большое — младших офицеров. Их разработчик, вероятно, никогда не подразумевал использование машинами тактического оружия, вроде баллистических ракет, и прописал совершенно четкий защитный параметр, чтобы не дать этому случиться. И Легион в самом деле ни разу не применял подобный вид боеприпасов. То же касается и ядерного оружия, неотъемлемой части баллистических ракет по причине их низкой точности.

И поэтому ни Виллем, ни объединенный комитет начальников штабов над ним, ни армия Союза не учитывали возможность...

...использования Легионом спутниковой орбиты для запуска рукотворных спутников или аналогичного оружия доступными им средствами.

Так те самые башни в форме гексаграммы, обнаруженные посреди бескрайних вод Стран флота и на пронизанном пеплом поле боя Теократии, — это сооружения для запуска спутников на орбиту...

— Ускорители масс!..

†

Рукотворные спутники, как следовало из названия, вращались вокруг планеты. Эти разведывательные — в полном смысле этого слова — аппараты использовались как коммуникационные узлы для глобального позиционирования и прогнозирования погоды.

Их высота и скорость варьировались от роли, но согласно эмпирическому правилу, параметры после запуска сохранялись на протяжении всего жизненного цикла.

Одни низкоорбитальные спутники перемещались по небу, другие, располагающиеся выше десяти тысяч километров над землей, словно бы всегда оставались на месте, но на самом деле все они двигались по орбите.

Да, строго говоря, рукотворные спутники не зависали над землей.

Их запускали с поверхности на сверхвысоких скоростях, близких к восьми тысячам метров в секунду, на высоту от сотен до тысяч километров, откуда после они продолжали падать за горизонт с теми же восьмью тысячами метров в секунду.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2455394>